ТАЛГАТ СЕРИКБАЙ

ИСТОРИЯ КОРРУПЦИИ

СЛЕДОВАТЕЛЯ КАЛАШНИКОВА

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПОВЕСТЬ

Талгат Серикбай

История коррупции следователя Калашникова

https://litres.ru/74733432
SelfPub; 2026

Аннотация

Следователь Максат Калашников приходит на службу раскрывать преступления, но обнаруживает мир, где уголовные дела становятся товаром, а верность начальству ценится выше закона. За двадцать лет в правоохранительных органах ему предстоит узнать цену собственных компромиссов и неповиновения.

Основанная на личных воспоминаниях автора, эта повесть с горьким юмором рассказывает о коррупции изнутри — и о выборе, за который приходится платить всей семье.

Талгат Серикбай
История коррупции следователя Калашникова

ТАЛГАТ СЕРИКБАЙ
ИСТОРИЯ КОРРУПЦИИ

СЛЕДОВАТЕЛЯ

КАЛАШНИКОВА
Художественная повесть

АЛМАТЫ · 2026

В основе — личные воспоминания. Имена изменены, диалоги литературно реконструированы. Оценки участников событий не являются судебными выводами.

Содержание

Предисловие. Не попался — герой
Глава 1. Сам по себе
Глава 2. Стучаться надо ногами
Глава 3. Пятьдесят долларов и красные «Жигули»
Глава 4. ГСК: справедливый раздел
Глава 5. Финпол: управление доходами

Глава 6. Туфли для судьи
Глава 7. КНБ: генеральские звёзды
Глава 8. Прыжок без парашюта
Послесловие. Магнолия

Предисловие. Не попался — герой

Однажды в областном управлении милиции обнаружили оперативника, который больше года не получал зарплату. Ведомство переживало разные времена, но такое проявление финансовой независимости застало бухгалтерию врасплох.

Зарплату тогда выдавали в кассе. Сначала очередь, потом давка, затем окошечко, возле которого выяснялось, что кассир как раз ушла обедать. И всё-таки люди приходили. А этот — нет. Ни в день выдачи, ни через неделю, ни через месяц. Когда невостребованная сумма стала вызывать больше вопросов, чем ведомственная отчётность, сотрудника вызвали к начальству.

Разбор устроили с размахом. Собрали начальников управлений, рассадили вдоль длинного стола. Заместитель начальника областной милиции, грузный полковник лет пятидесяти, тяжело поднялся из кресла. Лицо его стремительно наливалось фиолетовым — цвета, который не был предусмотрен форменным обмундированием, но нередко сопровождал служебные совещания.

— Придурок! Почему зарплату не получаешь?!

Руководители, специально приглашённые для разбора этого чрезвычайного случая, опустили глаза. Районный опе-

ративник стоял у стола и, судя по выражению лица, мечтал слиться с потёртым ковром. Ковёр, к сожалению, на равноправное сотрудничество не соглашался.

— Да некогда, товарищ полковник.

— Год некогда?

— Работаю.

— А живёшь на что?

— На зарплату жены.

— Жена у тебя кто?

— Учительница.

Кабинет взорвался хохотом. Смех не доказывал, что этот оперативник действительно получал взятки: ни денег, ни свидетелей, ни уголовного дела у смеявшихся не было. Но он прекрасно показывал, какая мысль первой возникла у собравшихся. Версию о жизни на зарплату супруги-учительницы никто всерьёз не обсуждал. Все посмеялись и разошлись. Разбирательство закончилось без каких-либо последствий.

Когда я впервые услышал эту историю, тоже смеялся. В нашей среде милиционер, год не нуждающийся в государственной зарплате, и жена-учительница представляли собой готовый анекдот. Позднее мне стало не до смеха. Потому что интереснее самого опера оказались люди, которые смеялись: никто из них не счёл нужным спросить, что именно произошло на самом деле.

Время меняет не только отношение к историям, но и их смысл. В юности слышишь остроумную байку. Потом вдруг

понимаешь, что весь юмор держался на допущении: незаконные доходы были настолько привычной темой разговоров, что отсутствие необходимости в зарплате казалось окружающим естественным. Неестественным считалось лишь неудачное оправдание.

У негласной служебной науки имелась своя таблица успеваемости. Попался — дурак. Не попался — герой. Поделился с начальством — человек коллектива. Для отличия этих званий от официальных погон даже не требовался отдельный приказ.

Никто такую таблицу не печатал, не утверждал приказом и не вывешивал в коридоре. А всё же многим удавалось сдавать по ней ежедневный зачёт. Особенно хорошо получалось у тех, кто долго служил и быстро усвоил разницу между словом «преступление» и выражением «ну ты же понимаешь».

В газетах и по телевизору можно было услышать о задержанном чиновнике. А что происходит до задержания — в кабинетах, на совещаниях, у сейфа с вещественными доказательствами, в коридоре после допроса, — об этом широкой публике рассказывали значительно реже. На словах все боролись с коррупцией. В повседневности отдельных подразделений ею пользовались. Официальная и неофициальная жизнь протекали параллельно, почти не мешая друг другу.

В одном месте спрашивали о раскрываемости. В другом — о доле. Порой вопросы звучали на одном совещании. Дело можно было расследовать, затягивать, переквалифициро-

вать, закрывать или превращать в источник заработка. Преступление по Уголовному кодексу и «нормальный разговор между своими» странным образом обозначали одно и то же событие.

Я не собираюсь выдавать несколько встреченных коллективов за всю страну и всех сотрудников за взяточников. Среди следователей, оперативников, судей и прокуроров всегда встречались порядочные люди и талантливые профессионалы. Но я хочу показать нравственную атмосферу, при которой даже достойный человек мог не удивляться предложению незаконных денег. И ещё — способность больших систем воспроизводить одни и те же привычки, сколько бы раз ни менялись вывески.

Финансовая полиция занималась финансовыми преступлениями. В некоторых её кабинетах обсуждение собственных доходов звучало убедительнее официального доклада. Милиция охраняла общественный порядок и иногда затевала споры о распределении поступлений так горячо, словно речь шла о государственном бюджете. Антикоррупционные подразделения разоблачали взяточников, а среди борцов встречались люди, прекрасно ориентировавшиеся в той же незаконной экономике.

В этой повести будет много смешного. Начальник, подаривший подчинённым по барану и ящику водки. Следователь, за один месяц руководства купивший красные «Жигули». Оперативник, который почти год внедрялся в группу

похитителей металла, а после задержания предложил занять освободившееся место. Такие истории и без писателя имеют отличное чувство юмора.

Но за удачными шутками обнаруживалась вещь совсем несмешная: когда продают служебное решение, товаром становится чужая судьба. Уголовное дело можно положить на стол как папку, а можно — как товар. Для того, чья фамилия написана на обложке, разница огромная. Поэтому судебная система и законность — не декорация государства, а его опора. Если опора сгнила, смена фасада ничего не решит.

Поэтому мне кажется недостаточным рассуждать лишь о громких задержаниях. Значение имеют назначения и проверки, подотчётность, независимость суда, достойное содержание сотрудников и неотвратимость ответственности. Сложнее всего изменить не вывеску учреждения, а старую привычку видеть в должности личный источник доходов. Любая реформа без перемены этой привычки рискует остаться свежей краской на прежней двери.

Эта книга не просьба похвалить рассказчика. Здесь не будет непогрешимого героя. Будут люди, которые плохо поступали и хорошо работали, любили детей и брали деньги, совершали нелепости и иногда проявляли настоящую храбрость. Я хочу лишь, чтобы о негласной стороне этой жизни перестали говорить одним шёпотом. О том, что знают многие, иногда полезно написать крупными буквами.

Итак, начнём. Там, где всё началось, государственную

службу ещё никто не обсуждал. Зато уже существовал общак.

Глава 1. Сам по себе

Девятый микрорайон

Максат с детства не понимал, почему чужое желание вдруг становится его обязанностью. Математика и физика давались ему легко. А вот зачем отдавать свои деньги незнакомому мальчишке только потому, что тот произнёс слово «общак», — не укладывалось в голове.

— Деньги есть?

— Есть.

— Давай в общак.

— Нет.

— Ты что, не понял?

— Понял. В общак. Нет.

Сборщик посмотрел на него так, будто перед ним стояла угроза финансовой устойчивости всего микрорайона. Максат выдержал взгляд. Героизма в этом не было: платить за право спокойно пройти домой казалось унизительнее, чем пережить неприятный разговор.

Обычно этим разговор и заканчивался. Максат не был дворовым чемпионом и уж точно не искал случая проверить прочность чужих челюстей. Драки он предпочитал обходить. Но существовал один предел уступчивости: чужого не брать и своего не отдавать под угрозой. Эта нехитрая бухгалтерия казалась сборщикам общака подозрительно независимой.

При этом знакомых у него хватало. Он одинаково непринуждённо разговаривал и с отличниками, и с ребятами, от которых взрослые предпочитали держать детей подальше. Но ни одна компания не могла назвать его окончательно своим. Для таких придумали краткое и точное обозначение: СПС — сам по себе. В девятом микрорайоне это была не должность, не привилегия и не почётное звание. Просто способ существования.

Домашних заданий Максат почти не делал, зато на уроках схватывал быстро. На контрольных за двадцать минут решал оба варианта и остаток урока работал маленьким учреждением по распределению интеллектуальной помощи.

— Максат, второй номер покажи!

Он поворачивал лист, если считал нужным.

— Максат, а мне?

— Потом.

— Когда потом?

— Когда сама решишь.

В одних случаях он помогал, в других — нет. Ни понятных правил, ни процедуры обжалования не существовало. Спустя много лет бывшая одноклассница подошла к нему и потребовала объяснений:

— Тебе что, жалко было мне дать списать?

Он задумался. Много лет работал с протоколами, обвинительными актами и показаниями, но мотивировку собственного школьного постановления так и не восстановил.

— Не знаю.

— Вот! А я помню.

Некоторые дела действительно не имеют срока давности.

С дворовым общаком всё было даже честнее, чем потом на службе. Мальчишки требовали деньги, потому что могли. Взрослые люди за тем же занятием предпочитали говорить о дисциплине, командном духе и взаимовыручке.

Жомарт

Жомарта знала почти вся школа. Он занимался боксом и тяжёлой атлетикой, был крупнее сверстников и рано открыл удобство физического превосходства: чужими руками можно носить сумку, выполнять поручения и даже натягивать брюки перед физкультурой. Так, наверное, возникают первые штатные единицы будущих начальственных аппаратов.

Однажды Жомарт встал на школьной лестнице с длинной ручкой и стал ударять проходящих по голове. Первый втянул шею. Второй засмеялся — как смеются над шуткой человека, которому опасно возражать. Третий извинился, ещё не поняв за что. У Жомарта обнаружился педагогический талант, только работал он без согласования с директором.

Когда удар достался Максату, тот остановился. Он понял, что пришла его очередь оказаться жертвой Жомарта. И если промолчит, то следующая атака будет еще наглее. И Максат громко, так чтобы слышали все вокруг, с вызовом сказал:

— Ты совсем обнаглел, что ли?!

Жомарт медленно повернул голову.

— Пойдём поговорим.

Поговорить он обычно приглашал в туалет. Там, под аккомпанемент капающего крана, некоторые школьники неожиданно обретали желание носить чужие сумки.

Максат пошёл. Ему было страшно. Он прекрасно понимал, что Жомарт сильнее и умеет драться. Но отводить глаза не стал. Пока противник смотрел на него, Максат мысленно составлял совершенно негуманный план на вечер: если сейчас изобьёт, он найдёт его потом и ударит кирпичом по голове сзади. Мысль была подростковой, злой, необдуманной. Но она помогала стоять прямо.

Никто из них не произнёс слова «победа». Жомарт ушёл, Максат остался — и только тогда дал выход слезам. Ему было страшно всё это время. Он не превратился в супергероя и не стал вдруг сильнее боксёра. Просто не согласился принять чужую силу за закон. Этот урок оказался гораздо долговечнее многих школьных предметов.

Больше ни Жомарт, ни другие к нему не приставали. Общак продолжал жить, его сборщики продолжали делать карьеру, а Максат остался СПС. Эта аббревиатура ещё не раз пригодится ему во взрослой жизни.

Ему нравилось считать себя человеком, который никому не платит за право быть собой. Позднее выяснится, что это правило трудно соблюдать даже тогда, когда знаешь цену каждого нарушения.

Парашютный спорт

В десятом классе в соседней школе открыли парашютную секцию ДОСААФ.

Парашюты! Самолёты! Небо!

Желающих записаться оказалось столько, будто всем предлагали не прыгать с высоты нескольких сотен метров, а бесплатно слетать на курорт. Записались едва ли не два класса целиком. Пока парашют существует только на картинке, а самолёт стоит на земле, смельчаков обычно значительно больше, чем свободных мест на борту.

Но занятия постепенно внесли свои коррективы.

Сначала часть добровольцев обнаружила, что у них появились чрезвычайно важные школьные дела. Другие неожиданно вспомнили о слабом здоровье. Третьи просто перестали приходить. После тренировок на парашютной вышке в Каратау осталось человек десять. К настоящему прыжку добрались лишь самые настойчивые. Или самые любопытные. Максат пока не определился, к какой категории относился сам.

Прыгать предстояло с самолёта Ан-2, который все привычно называли кукурузником.

Новичков поднимали группами по десять человек.

Ещё до своего вылета Максат успел понаблюдать за предыдущими заходами. Зрелище оказалось поучительным. На земле некоторые будущие парашютисты держались настоящими героями. Шутили, смеялись, снисходительно поглядывали на тех, кто волновался. Но стоило самолёту на-

брать высоту, а инструктору открыть дверь, как героизм отдельных товарищей начинал стремительно испаряться.

Одни в последний момент отказывались прыгать. Другие цеплялись за что попало. Третьи вдруг обнаруживали, что очень любят жизнь и совершенно не желают расставаться с самолётом. Инструкторы относились к подобным открытиям без особенного сочувствия. Это были крупные, крепкие мужчины, которые явно не собирались тратить драгоценное лётное время на продолжительные психологические консультации.

Особенно нерешительных они попросту выпихивали из самолёта. Иногда довольно энергично. Несчастный парашютист сопротивлялся, кричал, пытался ухватиться за что-нибудь прочное, но инструктор обладал неоспоримым преимуществом: он уже твёрдо решил, что курсант прыгнет. И, в отличие от самого курсанта, своего решения не менял. Особую пикантность происходящему придавало присутствие молоденьких девушек-парашютисток.

Девушки были уже опытными спортсменками, высоты не боялись и наблюдали за мужскими страданиями с нескрываемым удовольствием. Некоторые откровенно смеялись. Максат смотрел на всё это и постепенно начинал понимать, что самое неприятное в предстоящем прыжке — вовсе не высота. Самое неприятное — оказаться одним из тех, кого с криками и позорным сопротивлением выталкивают из самолёта под весёлый смех девушек.

Нет уж.

Такого удовольствия он им доставлять не собирался.

Перед посадкой новичков взвесили. Максат был худым, но неожиданно оказался самым тяжёлым среди своей десятки. По какой-то известной только инструкторам аэродромной арифметике это означало, что прыгать первым должен именно он.

— Ты первый, — сообщили ему.

— Почему я?

— Самый тяжёлый.

Максат посмотрел на остальных: некоторые выглядели куда упитаннее его.

Но весы, как известно, в дискуссии не вступают.

Пришлось смириться. В самолёте он занял своё место. Рядом находились опытные девушки-парашютистки. Они спокойно разговаривали, шутили, обсуждали какие-то свои дела. Судя по их поведению, ничего особенного не происходило. Ну подумаешь, самолёт. Ну подумаешь, несколько сотен метров высоты. Сейчас откроют дверь, все выйдут.

Обычная прогулка. Максат старательно изображал такое же спокойствие. Получалось не очень. Самолёт набирал высоту. Двигатель гудел, корпус вибрировал, а за небольшими окнами постепенно удалялась земля. Когда инструктор открыл дверь, внутрь ворвался холодный воздух. Максат посмотрел вниз. И сразу понял, что с земли высота представлялась гораздо привлекательнее.

Дома стали маленькими. Дороги — тонкими полосками. Люди вообще куда-то исчезли. Земля находилась так далеко, что здравый смысл настойчиво рекомендовал никуда не выходить.

— Приготовиться!

Максат поднялся. Подошёл к открытой двери. За спиной стоял инструктор. Крупный, невозмутимый мужчина, который, вероятно, уже не одну сотню раз наблюдал подобные сцены. Максат вспомнил предыдущие заходы. Вспомнил, как курсанты цеплялись за дверные проёмы. Как их отрывали от самолёта. Как они кричали.

Как смеялись девушки.

И представил, что сейчас произойдёт то же самое.

Вот он откажется прыгать.

Начнёт пятиться. Инструктор решительно вмешается.

И Максат всё равно окажется в воздухе.

Только ещё и опозорится. Перспектива была отвратительная.

Нет. Лучше самому.

— Пошёл! — скомандовал инструктор.

Максат шагнул в пустоту. В лицо ударил воздух. Самолёт мгновенно остался где-то позади. Земля, которая ещё секунду назад мирно находилась внизу, теперь стремительно приближалась. Максат начал отсчитывать положенные секунды.

— Пятьсот тридцать один!

Ветер свистел в ушах.

— Пятьсот тридцать два!

Он старался не думать о расстоянии до земли.

— Пятьсот тридцать три!

Дёрнул кольцо. И… Ничего. Во всяком случае, того сильного рывка, которого он ожидал, не последовало.

Не раскрылся!

За секунду он испугался сильнее, чем за всю подготовку. Только что боялся прыгать, теперь — не добраться до земли живым. Резко поднял голову.

Над ним раскрывался огромный белый купол. Всё сработало как надо; просто ожидаемого рывка Максат не почувствовал.

Вот чёрт. А я уже подумал…

Оставалось выполнить остальные действия. Максат выдернул чеку запасного парашюта; механизм сработал вхолостую, без всяких драматических последствий.

Максат наконец осмотрелся. Большой белый купол спокойно держал его в воздухе. Внизу медленно приближалась земля. Самолёт уже находился далеко. Вокруг было удивительно тихо.

Он приземлился сам и был собой доволен. А потом выяснилось, что остальные девять новичков тоже прыгнули без чужой помощи.

Никого не пришлось выталкивать. Девушки-парашютистки остались без развлечения, а Максат обнаружил, что заранее мучил себя напрасно.

Потом были ещё два прыжка — куда спокойнее первого. К третьему Максат уже почти по-деловому подходил к открытой двери самолёта.

Но, по крайней мере, при виде открытой двери самолёта уже не возникало непреодолимого желания вернуться домой. Когда после трёх прыжков ему вручили свидетельство парашютиста, Максат испытывал вполне законную гордость.

Он усвоил простое правило: страх не исчезает, но ему необязательно отдавать право решать за тебя. Потом он ещё не раз вспоминал дверь Ан-2. Правда, тогда у каждого прыжка была известная точка приземления.

Следователь из телевизора

Будущую профессию Максат выбирал под влиянием фильмов о милиции. Особенно любил «Инспектора Лосева». Там следователь задавал правильные вопросы, замечал мелочь и шаг за шагом находил истину. Настоящая работа головы — именно это ему нравилось.

В телевизоре начальники говорили о законе, свидетели давали показания, подозреваемые нервничали. Никто не обсуждал при юном зрителе денежные доли и не требовал прийти в кабинет с бутылкой водки. Впоследствии Максат подозревал сценаристов в недобросовестном сокрытии наиболее жизненных подробностей милицейского быта.

Тогда он видел себя следователем: форма, рабочий стол, уголовное дело, которое необходимо раскрыть. Когда-нибудь — генералом. Мечтать лучше с запасом. Но больше по-

гон его занимала сама работа: задать точный вопрос и заметить то, о чём собеседник молчит.

Глава 2. Стучаться надо ногами

Стажёр без оклада

В шестнадцать лет Максат выглядел для милицейского кабинета слишком юным. Днём работал токарем: плохо обточенную деталь видно сразу. Вечерами бесплатно стажировался в уголовном розыске. Здесь последствия ошибок иногда обнаруживались только спустя годы.

Первый день начался торжественно. Начальник завёл мальчишку в кабинет, где за столами сидели двое оперативников.

— Вот вам стажёр. Пусть ума набирается.

Дверь закрылась. Алишер листал бумаги. Кислов что-то писал. Стажёр сел на стул. Тишина становилась профессиональной. Взрослые люди умели не замечать посетителя с таким мастерством, будто это входило в инструкцию. Минут через двадцать Кислов наконец поднял голову.

— Ты чего сидишь?

— Я стажироваться пришёл.

— Тебя стучаться учили?

— Я стучался.

— Значит, неправильно. Ногами надо.

— Почему ногами?

Алишер посмотрел на Кислова, потом на юного гостя:

— Потому что руки должны быть заняты.

— Чем?

— Водкой, — ответил Кислов с видом преподавателя, наконец увидевшего способного ученика.

Максат хотел спросить, когда же они начнут следить за преступниками, но промолчал. Судя по уверенности наставников, сперва следовало выучить правила входа в кабинет. К оперативной работе допускали, наверное, на следующем занятии.

Максат принёс две бутылки. Наставники сразу стали приветливее, а казённый кабинет превратился в клуб по интересам. За столом сидели два опытных оперативника и шестнадцатилетний стажёр, пришедший учиться розыску преступников.

Ни одного скрывавшегося преступника за вечер, насколько он помнил, не нашли. Зато новичок был принят в коллектив с такой скоростью, какой не добьёшься никакой служебной характеристикой.

Позже он понял: бутылки не покупали процессуального решения или секретных сведений. Они покупали допуск в круг. Это был первый урок неписаных правил службы.

Курсы молодого коррупционера

Высшая школа милиции встретила Максата распорядком, казармой и борьбой за жизненные преимущества. Начиналось с кроватей: казённых, железных, совершенно одинаковых. Курсанты же делили их так, словно распределяли квартиры в центре Алма-Аты.

Спорили громко, но серьёзных конфликтов почти не было. Учёба отнимала слишком много времени, а большинство курсантов умели постоять за себя.

Максат быстро освоился. Уголовное право, процесс, криминалистика — всё казалось настоящим делом. Особенно нравилось восстанавливать событие по нескольким на первый взгляд не связанным обстоятельствам.

И вскоре он обнаружил ещё одну дисциплину. В расписании её не было, зато многие начали изучать её задолго до поступления.

Она называлась просто: умение решать вопросы.

На первой экзаменационной сессии обнаружилась странность. Курсант Саахов ходил строем, носил форму и ничем не выделялся — пока не оказался перед экзаменатором.

Выяснилось, что экзаменационный билет он прочитать почти не может. Преподаватель решил было, что курсант волнуется.

— Ну что же вы, товарищ курсант? Читайте вопрос.

Саахов напряжённо посмотрел на бумагу.

— Милица.

Преподаватель поднял голову.

— Что?

— Милица.

— Вы вопрос прочитайте.

Саахов снова уставился в листок, словно рассчитывал, что буквы наконец договорятся между собой и сложатся в по-

нятные слова.

— Милица.

Преподаватель снял очки.

— Товарищ курсант, вы можете объяснить, что это означает?

— Милица.

На этом словарный запас будущего защитника правопорядка в отношении экзаменационного билета, по существу, закончился. Преподаватель предпринял ещё несколько попыток наладить академическое общение, но каждый раз получал один и тот же ответ.

— Милица.

В конце концов преподаватель сдался. Саахова вскоре отчислили. Удивляло другое: как он вообще поступил в высшую школу милиции?

Вступительные экзамены были письменными и устными. Максат, школьный олимпиадник, помнил, как серьёзно готовился к ним сам.

Кто и как проверял знания Саахова при поступлении, он так и не узнал.

Зато постепенно начал понимать, что вступительные экзамены были не единственным способом поступления в высшую школу милиции. К третьему курсу в казарме почти не осталось секретов. Совместная жизнь обладала удивительным свойством: люди, которые вначале старались произвести впечатление исключительно порядочных и достойных

молодых людей, постепенно начинали рассказывать о себе такое, что становилось непонятно, зачем они вообще это рассказывают.

Особенно охотно вспоминали поступление.

— А меня отец устроил, — небрежно сообщал один.

— У нас знакомый в министерстве был, — рассказывал другой.

— Мои договорились заранее, — добавлял третий.

Кто-то называл суммы. Кто-то хвастался влиятельным родственником. Некоторые рассказывали о поступлении с таким самодовольством, словно обойти экзаменационную комиссию было куда более значительным достижением, чем успешно сдать экзамены. Максат слушал и удивлялся.

Неужели он один поступил сюда честно?

Или товарищи просто бахвалились друг перед другом?

Второе тоже нельзя было исключать. В молодости умение похвастаться связями иногда ценилось выше самих связей. Особенно если связей в действительности не существовало. Но чем дольше Максат учился, тем отчётливее понимал: значительная часть этих историй могла быть вполне правдивой. И самое забавное заключалось в том, что будущие сотрудники милиции рассказывали о подобных обстоятельствах совершенно спокойно.

Будто речь шла не о взятках и злоупотреблениях, а о способах приобретения дефицитных ботинок.

Никто особенно не смущался.

Наоборот. Самостоятельное поступление постепенно начинало выглядеть не столько достоинством, сколько признаком недостаточной предусмотрительности. Экзаменационные сессии открывали перед курсантами новые возможности для развития неофициальных профессиональных навыков. Подготовка к экзаменам начиналась заранее. Правда, некоторые готовились весьма своеобразно. Вместо конспектов изучали привычки преподавателей. Вместо учебников выясняли их предпочтения.

Вместо повторения лекций искали знакомых, которые могли организовать нужную встречу. Кто-то принимал подарки. Кто-то предпочитал деньги. Кто-то соглашался на застолье. Существовала даже своеобразная классификация преподавательских вкусов. Об одном говорили:

— Этот ничего, кроме денег, не признаёт.

О другом:

— С ним проще. Хорошая водка — и вопрос решён.

Особенным уважением у отдельных экзаменаторов пользовалась чёрная икра. Для курсантов из западных областей Казахстана это обстоятельство иногда становилось существенным преимуществом.

— А ты как собираешься сдавать? — спрашивали товарища.

— Нормально.

— Учишь?

— Зачем? Я икру привёз.

После такого ответа дальнейшие вопросы казались излишними. Максат иногда задумывался, что было бы, если бы учебную успеваемость начали оценивать не в баллах, а в натуральных продуктах. По уголовному праву — одна бутылка. По криминалистике — две банки икры. По политэкономии — согласно предварительной договорённости.

Для особо сложных предметов можно было бы даже утвердить государственные закупочные цены. Впрочем, официально ничего подобного, разумеется, не существовало.

Всё происходило исключительно по инициативе заинтересованных сторон.

Перед сессиями командир взвода нередко собирал деньги.

— На преподавателя.

Объяснять назначение расходов обычно не требовалось.

Все понимали.

К экзамену готовили аудиторию, накрывали стол, приносили закуски. Под столом предусмотрительно размещали бутылки. Предполагалось, что сытый и довольный преподаватель окажется гораздо благожелательнее голодного и раздражённого. Иногда расчёт оправдывался. Иногда нет. Однажды курсанты столкнулись с преподавателем, который решительно отказался от спиртного.

— Спасибо, товарищи, но я не пью.

Для организаторов застолья это стало серьёзным осложнением.

Всё было предусмотрено: закуски, напитки, гостеприимная обстановка.

Не предусмотрели только трезвость экзаменатора.

Но находчивости будущим сотрудникам милиции было не занимать.

Кто-то предложил тайком подлить водку в кумыс. Когда гость разговорился, курсанты решили, что дело сделано. Но вместе с разговорчивостью у экзаменатора появилась неожиданная требовательность.

Курсанты решили, что победа близка. Однако вскоре обнаружилось неприятное обстоятельство. Спиртное действовало на преподавателя совсем не так, как рассчитывали организаторы. Вместо добродушия у него проснулась удивительная принципиальность. Он внезапно вспомнил о необходимости строго соблюдать требования учебной программы. Начал задавать дополнительные вопросы. Потребовал точных определений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.